

Оля Мари
Гриштановска

Кари
остров

Оля Мари Гришмановска

Карий остров

«Автор»

2016

Гришмановска О.

Карий остров / О. Гришмановска — «Автор», 2016

Студент-географ приезжает на каникулы в деревню, где знакомится с местным егерем, отличающимся странностями. Во время обучения егерским премудростям, переживая лесные приключения, студент узнаёт о существовании загадочного острова, путь на который знает только егерь.

© Гришмановска О., 2016

© Автор, 2016

Оля Мари Гришмановска

Карий остров

Куда легче вырвать из земли корень березы или поймать за хвост глухаря, а только не перейти мне Карий остров дважды. Он словно бы утонул в коричневых глазах егеря и стерся с земли вместе с ним.

Даже в эту последнюю ночь на веранде егерского дома – словно семи лет не прошло – все также вслушиваюсь в тишину, распознавая стрекот кузнечиков. По палисаднику мечется ветер, хватая ветки раскидистого дуба и стучит ими по камышовым стенам, по окну летней веранды. Старый егерь на этот раз спит крепко. И вдруг необыкновенно легко становится: чудится, что ветер подхватывает его дом под самый верх и уносит в непроглядную темень, в лесную глушь. А что, если б нас еще раз занесло на Карий остров!

Вначале я смутно верил в его существование, воображая инородным пятном на карте деревушки с ее таинственными лесами. Истории егеря об Острове я считал небылицами, но продолжал слушать, всматриваясь в его близко посаженные карие глаза, в их контур, очерчивающий загадочный круг. А в нем – пронизанные ярким светом вишняки; лисицу, притаившуюся в папоротнике; козулю, задремавшую на травяном покрывале. Неожиданно мне пришлось в голову назвать то странное место Карим островом, однажды явившимся в глазах выдумщика-егеря.

– Какой ветер, какой ветер, – ахнул он.

И его, наконец, разбудили причуды стихии. Старик присел на край табуретки. С дрожанием руки шаркает спичкой, медленно закуривает у печки. Не то тайная мудрость, не то хитрость в темном уголке карего глаза, который егерь по обыкновению прищуривает.

– По молодости никого не жалеешь, а в старости начинаешь понимать – всем хочется жить, – пробормотал он уставшим голосом.

Даже здесь, рядом с егерем и его ружьем у теплой уютной печки, тревога не оставляет меня. Этой ночью мне приснилось, что браконьеры сбили его с ног, окружили и забили, как раненого зверя. Я видел ужас, подбирающийся к берегам его карих глаз, как вода к острову. Рассказываю ему об этом сне.

– Со мной никогда этого не случится, – спокойно сказал он.

– Да, конечно. Глупости. А все-таки почему?

– Просто я знаю. Я другой, – хрипло произнес егерь, прищурившись.

Я тоже почему-то знал это и давно простил егеря за выстрел на Карем острове, но прийти к нему смог только спустя семь лет с того самого дня.

– Много зверей я перестрелял, – признался старик не без грусти.

Егерь знает о своем деле многое и кое-что любопытное мог бы рассказать. Но даже он убежден, что никогда нельзя знать о лесе всё.

Знакомству с ним я обязан соседу моей тетки, к которой я, первокурсник биофака, приехал на лето в деревню. Она была так мала, что уже через три дня я вдоль и поперек исходил все ее окрестности. Тогда от скуки я признался соседу, что хотел бы изучить особенности обитания местных зверей, и он предложил обратиться к Тимофеичу.

– Это наш егерь. Странный черт! Но хорошо знает леса и егерское дело. Хочешь не хочешь, а он научит тебя стрелять, – усмехнулся он, зная, что я твердо решил не брать в руки ружья.

В нашу первую встречу егерь выглядел уже далеко не молодым, но дерзким и полным сил, со смуглым лицом и глазами цыгана. Борода, которую он любил отпускать, была густая и угольно черная, с пробегающей седой волной. В его дворе я увидел аккуратно развешенные на стене сарая рыболовные сети, на траве – перевернутую вверх дном лодку. Из будки с хриплым лаем беспокойно выскакивал пес рыжего окраса по прозвищу Монгол: глаза, как у хозяина, карего цвета, или, пожалуй, более желудевого.

Небольшое пространство во дворе помимо бани занимали старый коровник и обшитая черным толем избушка. За домом рос яблоневый сад – предмет зависти деревенских, как мне вскоре стало известно. Мир егерского двора, огражденный от внешнего мира, но являвшийся его частью, погружал в ощущение чьего-то загадочного присутствия. Звали егеря Алексей Тимофеевич, но сельчане укоротили его имя до простого – Тимофеич.

С первых минут общения с егерем мне было дано понять, что единственной его страстью был лес. Он хоть и прослыл в деревне своенравным упрямым, но при всей колкости натуры не терпел одиночества и мечтал найти ученика. Потому предложение ввести меня в мир здешних лесов вызвало у него восторг. Егерь взялся обучить меня всем тонкостям своего мастерства и даже позволил ночевать в его черной избушке, стоявшей во дворе. Она с первого взгляда напомнила мне именно ту, что я воображал, читая в детстве волшебные сказки.

Звери, как считал егерь, живут своей, особенной жизнью, и это увлекало его не меньше, чем астронома захватывает желание постичь жизнь небесных планет. Он мог, сидя на печке, за вечер составить рабочий учёт нор, интуитивно чувствуя, по каким тропам бегают лисы и барсуки. Разумеется, Тимофеич утаивал какое-то число для улова себе, ведь местные и приезжие хорошо скупали у него свежие шкуры, барсучий жир и выделку ондатры.

– Я зверей без причины не стреляю, – говорил мне егерь, оправдывая свое ремесло бедностью и нуждой.

Заработанные деньги, по его словам, он отправлял жене Аннушке в город, но его сестра отрицала это. Но я замечал, что лишних денег у Тимофеича не водилось – он растрачивал их на бензин, сигареты и выпивку по выходным.

В охотничьем деле Тимофеич не знал себе равных благодаря поразительному чутью. Находясь в лесу, он непостижимым образом освобождался от физической дряхлости подобно змее, сбрасывающей старую шкурку. А потом по-волчьи стремительно принимался искать следы. Быть может, потому так неизбежно и неосознанно егерь впускал к себе чувство уваже-

ния и осторожности. Довольно было поймать на себе его пристальный взгляд, обжечься об окаймленные коричневым контуром зрачки и почувствовать, какая странная сила таится в них. Встречи с егерем, который в любую минуту мог выкинуть что-нибудь неожиданное, избегали многие браконьеры. При всем том у него имелись приятели, с которыми он вместе охотился и застольничал.

В первые дни наших выездов тишина леса пугала меня. Я признался в этом Тимофеичу, на что он, прищурившись, сказал голосом, напоминающим тепло и шероховатость коры:

– Бойся не леса, бойся людей.

Деревенские любопытными взглядами провожали егерский мотоцикл, который каждое утро увозил нас обоих. Ездили мы всегда разными дорогами: отправлялись в одном направлении, а возвращались в другом. Тимофеич делал так, зная, что браконьеры могут выследить его, подстеречь и даже выстрелить. Думается мне, поэтому он имел привычку носить при себе охотничий нож.

Я предвидел, что моя неприязнь к оружию вызовет неодобрение, но егерь проявил уступчивость и не стал настаивать, чтобы я брал в руки двустволку. В течение месяца мы посетили с Тимофеичем все окрестные леса, побывали в укромных и диких уголках леса. Удивительным образом во время наших поездок он не делал попыток вовлечь меня в охоту. Правда, одним вечером хотел показать, как сдирает шкуры с убитых зверей, но смотреть на это занятие я отказался. И все же егерь научил меня их различать.

Однажды я пытался угадать, какому зверю принадлежит привлекший меня черно-бурый мех: на ощупь он казался теплым, объемным и легким, с длинной жестковатой остью и более мягкой подпушью. Я так и не смог определить, и тогда Тимофеич сказал, что этот зверь стал встречаться в наших лесах недавно. Первым его словил один из местных охотников, но из-за красноты меха подумал, что перед ним барсук. Егерь растолковал ему, что это енот. А спустя некоторое время сам случайно поймал енота, только черного.

Вечерами, когда егерь занимался выделкой шкур, трепал и отслаивал лишнее, зажимая в зубах самокрутку с садовым табаком, я подсаживался к печке и слушал его истории.

– Ты в Пятковом был? – спросил он меня.

– Не был.

– Вот и зря. Там есть озеро Журавль, очень громадное. Настолько, что даже можно заблудиться. Да, однажды охотник в нем заблудился и замерз зимой. Камыш примерно метра три высотой: очень толстый, как бамбук. Вот такой толщины! Растет островами этот камыш, выше глади воды примерно на столько. На него можно даже садиться – воды касаться не будешь.

От пристани плывешь, – продолжал Тимофеич, – наверное, метров сто по небольшому заливику, потом выплываешь. И постоянно ставишь вешки, чтобы по ним ты пристань эту нашел, иначе можешь заблудиться. Потому что метров двести-триста идет один сплошной камыш – ничего больше не увидишь там, спутаешься. Допустим, возьмешь ориентир – лес, так вот этот камыш заслоняет весь горизонт. И не проплывешь ты на лодке, пешком только можно идти. Там дичь разная водится – дикие утки, журавли, гуси.

– А расскажите еще раз про свой Остров. Кого вы там встречали?

– Рысь на Острове видел, когда сидел в засаде. Она проходила недалеко, но с дробы ее было не убить. Не стал стрелять. У рыси след больше, чем у волка. Хотя они меньше, но лапы у них крупные. Они находят тропу косули, залезают на дерево и сидят, выжидают. Если проходит косуля, рысь прыгает и давит ее....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.